

радной форме русского морского офицера и при орденах, по правую его руку сидел генерал Мойсеев в защитном кителе, слева Котэр в обыкновенной морской тужурке. Напыщенная обстановка поразила нас и мы невольно поглядели друг на друга. Что, дескать, сие значит? Кисловский предложил нам сесть.

— Я к вам обращаюсь, есаул Должник, как к старшему, — важно начал он говорить, — вам известны морские законы?

— Постолько, поскольку приходилось с ними сталкиваться! — ответил я.

— Вы имеете понятие о корабельных судах?

— Знаю о них еще из романов Фенимора Купера! — совершенно недоумеваю к чему он клонит, говоря:

— Так вот, такой же суд перед вами: я, как командир судна, генерал Мойсеев, как начальник всех групп и господин Котэр в лице комиссара парохода. Вы предаетесь корабельному суду за распространение ложных слухов среди команды, за подрыв доверия к чинам экипажа и за сеяние паники, желая вызвать команду и членов экспедиции на бунт и захватить пароход вооруженной силой. За подобныя деяния я своей властью командира мог бы вас повесить на реех, но, принимая во внимания, что все мы русские, я собрал суд, который рассмотрит ваше дело и передаст вас румынским властям, как большевиков.

Первоначально я слушал его улыбаясь, ожидая, чем кончится вся эта комедия, но когда он назвал нас большевиками, меня это взорвало и я, вне себя от бешенства, довольно резким тоном, вскочив с сиденья, стал ему доказывать, что не мы, а они большевики.

— Вы, господин капитан, большевик, а не мы! Вы принимаете все меры к тому, чтобы наша экспедиция не достигла определенного назначения и превратилась в мыльный пузырь!

— Ах, вот как! — не теряя напускной важности, проговорил Кисловский.

— Да, так! — подтвердил я. — Вы, командир парохода, выходите в море и не знаете сколько вам нужно угля! Какой же вы после этого моряк! Пароход уходит в море на семь дней, а на второй день черепашьего плавания уголь кончился! Какой же я командир сотни, если я иду в поход и не знаю сколько мне необходимо взять продовольствия и фуража на известное число дней? Что это — действительно незнание, или злой умысел? Если вы незнакомы с машинами парохода, так почему же вас не поставил в известность настоящий капитан парохода, который с утра до вечера пьян, как стелька?

Мой резкий голос и вид наступающего озверелого врага, а тут еще два дюжих молодца в роде Колоскова и Федорова, возымели свое действие и члены суда сразу же сбавили спеси. Генералов Мойсеев растерянно смотрел на меня и кивал головой, словно бы соглашаясь со мной. Я продолжал наступление.

— Вы говорили нам, что пароход делает двенадцать узлов в час, а на самом деле он не делал и двух. Я, садясь на коня, точно знаю сколько верст он пройдет в назначенное время и определенным аллюром. Вы сказали нам, что барометр испорчен, секстан сломан. Это на второй день плавания! Какой же вы моряк, раз выходите в море, не проверив инструменты, необходимые для определения курса и местоположения корабля?! Однако, каким то, вам одному известным, течением нас принесло в Сулак, а не в другое место! Вам нужно было сюда и вы пользовались инструментами, а нам, ничего непонимающим армейцам, морочили голову! Неведомые моря и океаны, определение местоположения по звездам, коралловые острова с кокосовыми пальмами!!!!... Стыдились бы говорить это! К тому же я невольно подслушал ваш разговор с Котэром, когда вы ему сказали, что преподнесете нам новый сюрприз: «угля нет!» Вы большевик, господин капитан, а не мы! Мы честно выполняем свое задание!

Сергей Макеев.

(Продолжение следует).

С. БАЛЫКОВ.

Изгибы

(ПАМЯТИ РОДНЫХ ЗЮНГАРЦЕВ, ПАВШИХ В БОЯХ, ПОСВЯЩАЮ).

НАШ ХУТОР густо, широко и верст на пять крыл берега болотистой и извилистой речушки — Богла. Он и носил название этой речки. Хутор начинался там, где речка, вырвавшись

из крутобережной и яристой балки, протекал по равнине и кончался на том месте, где Богла снова сжималась ярами и перерезалась глубокой балкой.

По сторонам широких и прямых улиц, концами упиравшихся в речку, дворы были раскинуты по ложному низкому берегу. По той стороне, по подножью бугра, с громадным темным курганом против хутора, жидкой и рваной цепью тянулся только один ряд дворов. Вся эта сторона зимою глубоко заметалась снежными барханами, и дворы тонули в белых сугробах. Поэтому боглаевцы избегали селиться по северному берегу.

Прожеившись меж ненаселенных крутых яров и балок с версту, речка вновь текла по низине и, сделав подковообразный загиб, образовала большой ровный полуостров, с узким выходом в степь. Этот полуостров и занимал своим двором зажиточный хозяин Бембе Джалганов.

Казачьего типа деревянный дом под зеленой жестяной крышей, длинная землянка-кухня, амбар и конюшня под красными тесовыми крышами, досчатый баз и лежащая пирамида овечьего сарая, расположенные в тесный ряд, запирали весь выход из полуострова. А громадный круг за дворовыми постройками, обтекаемый речкой и защищенный противоположным высоким берегом, был занят под фруктовый сад, огород и ток со скирдами сена, соломы и половы.

Лучшее место занимало хозяйство Бембе Джалганова, но никто ему не завидовал. Было и большое неудобство. — Приходилось жить в стороне от хутора, на отшибе, без соседей. Только такой старательный и хороший хозяин, как Бембе, и мог решиться на это поселение в версте от хутора. Он не мог упустить такое удобное для хозяйства место.

Хоть и было скучно, но к жизни на отшибе супруги Джалгановы с годами привыкли и прослыли в хуторе нелюдимами. Редко кто, бывало, придет к ним из хутора по делу, а еще реже бывали там члены семьи Джалганова. Пять громадных и злющих волкодавов внушали хуторским ребятишкам панический страх, и они далеко обходили этот удлинённый двор в изгибе реки.

Семья Джалганова была небольшая — муж и жена, дочь и сын. Да двое работников жило в землянке. Густое и аккуратное было хозяйство у Бембе: полсотни отборного скота с десятком пар добрых быков, шестерка хороших лошадей, годных и под седло и в упряжь, три сотни белых овец, до сотни десятин ежегодного посева, не считая хозяйственных придатков и мелочей, в роде свиней, птиц, огорда, сада — это не было плохо даже для нашей богатой Бокшурганской станицы. Таких хозяйств можно было насчитать не больше полсотни на всю станицу.

Нос, а потому в этой жизни счастливым рожден, — говорили хуторяне про Замбу, сына Бембе Джалганова. Тихий и милостивый, еще с детства Замба вызывал симпатию каждого, кто его видывал. Когда он стал ходить в хуторскую школу, старательный, опрятный, способный и не шалун, он скоро завоевал любовь учителей. Все классы он прошел с первой наградой.

Только Зермяш, дочь Саладжи с верхнего аула хутора, соперничала с ним в успехах. Но Зермяш была первая шалунья и проказница, а потому она получала всегда награду второю после Замбы. Все три года Замба и Зермяш сидели на одной парте, все годы были соперниками, и много раз пришлось Замбе терпеть от проказницы досадных шалостей. Жаловаться на девочку моложе его на два года он стыдился, а драться не любил. Только раз, когда Зермяш незаметно подложила под него прожеванную массу коричневой бумаги, а сама, зажав нос, попросила Замбу приподняться, а потом, с хохотом указывая на сиденье под ним, заставила дико хохотать весь класс, он дал ей звонкую пощечину. Зермяш, как кошка вцепилась в него, стараясь выцарапать ему глаза, но вошедший в это время учитель оттащил ее в угол. Разобравшись в ее проделке, учитель оставил Зермяш без обеда.

От природы спокойный, вдобавок растущий вдаль от хутора и мальчишеских ватаг, Замба, держался и в школе особняком, редко участвуя в играх и шалостях товарищей. К тому еще, почти каждый день, привозил в школу и увозил на крупе коня Замбу один из рабочих Джалганова. Другие дети, в грязь ли невылазную, в дождь, в бурю или снег, пробирались в школу и шли домой пешком. Это тоже выделяло Замбу и способствовало его одиночеству. Уже в первый год все школьники знали, что Замба, по окончании школы в своем хуторе, поедет учиться в большой русский город, куда нужно ехать целый день подводой и еще один день машиной, что он пройдет там все науки и будет «большим нойоном». Поэтому хуторские сверстники Замбы еще с детства привыкли смотреть на него, как на отрезанный ломоть.

Привык к этому и сам Замба. Он был привязан к своему двору наотшибе, любил один лазить по своему острову, находя на нем все новые и новые таинственные уголки, дружил со своими громадными собаками, был дружен с сестрой, которая была на четыре года старше его, а пуще всего любил ходить за отцом по хозяйству, где у него был свой любимый жеребенок, свои любимые ягнята-сироты.

Тринадцати лет, как только он окончил хуторскую школу, отец отвез Замбу в Ростов и сдал учителю для подготовки в реальное учили-

ще. Большой и шумный город ошеломил сперва мальчика из хутора Богла. Много ночных часов тихо проплакал Замба, тоскуя по родителям, по своему двору и по всем друзьям в нем. Днем, сужая небо, давили каменные громады домов, от каменных мостовых болели ступни ног, шум стоял в ушах от городского грохота. Но учился он и здесь хорошо. Привыкнув к городу, большой и многолюдной школе, он пристрастился к чтению, начав с «Робизона Крузэ», и начал быстро развиваться. В жизни боглаевского мальчика произошел первый изгиб.

Многое изменилось на глазах Замбы за несколько лет! Хутор Богла разросся во все стороны так, что край его был в полуверсте от двора Джалгановых. Чаше заперстели по хутору цветные крыши деревянных домов и амбаров, гуще зазеленели сады, по всем изгибам реки раскинулись плантации; с каждым годом богатеял хутор Богла. Еще гуще и полновеснее стало хозяйство Джалганова. Появился второй амбар. Золотистая гирка и горы ячменя стали залеживаться в закромах годами. Бемба Джалганов с помпой выдал замуж своего первенца — любимую дочь на тройке серых в тачанке.

Но самое важное и неожиданное для Замбы случилось в ту зиму, когда на весну он должен был кончить реальное, а к осени ехать в Санкт-Петербургский университет. Упав на всем скаку с конем на мерзлую землю, скорострительно скончался его отец. Пожилая мать и большое хозяйство неожиданно оказались на плечах Замбы. Мать хотела, чтобы сын, приехавший домой на Рождественские каникулы, уже не возвращался в Ростов, бросил школу и принимался за хозяйство. С трудом Замбе удалось убедить мать, что необходимо потерпеть еще несколько месяцев и докончить школу.

В вечер перед его отъездом, мать и сестра, приехавшая в гости из другого хутора, приступили к Замбе:

— Отец твой, да будет он в царстве лучших, умер несчастным, не женив тебя и не поласкав внука. Не доведи да такого же несчастья твою мать. Пора тебе жениться. Ты там кончай школу, а мы тут засватаем тебе невесту. Если кого имеешь на примете, то скажи. Жених ты завидный: и ученый, и собою взял, и самостоятельный, богатый хозяин...

Замба оказался в большом затруднении. Жениться, действительно, было пора. Все сверстники по хутору давно женаты. К тому же, со смертью отца, необходима была молодая хозяйка — опора матери. Но у Замбы никого на примете не было. С хуторской молодежью он не знался,

в Ростове учился из калмыков один, в Чепраках, где были учащиеся калмычки, он на долго не останавливался, а только проезжал.

Жизнь на отрубке, его любовь к одиночеству, отсутствие друзей среди молодежи вдруг дали почувствовать неудобную сторону. Двадцатилетний парень, а у него даже нет девицы на примете! Но сказать матери и сестре обычное, в таких случаях, — «знайте сами, я на все согласен», — ему не хотелось.

И вот тут неожиданно пришла на память шалунья Зермяш. Вспомнилась она и вызвала приятное. Ее светлое личико, большие черные и насмешливые глаза, с густыми ресницами и черными бровями, и теперь отчетливо предстали перед его взором... «Какова она теперь?.. Ведь ей уже восемнадцать лет, и не слышать о ее свадьбе. Красивая барышня из нее должна бы вырасти. Языкастая была девочка и способная!» — подумал Замба и, с неожиданной решимостью, сказал: «Если так, то везите раку в дом Саладжи, что в верхнем ауле живет. Знаете?».

— Знаем-знаем!.. Хорошо, ладно. Девица — ничего! — радостно, в один голос, поспешили ответить ему мать и дочь.

Разговоры молодого человека о семейных делах с родителями у калмыков не приняты. Если мать говорила с Замбой и предоставляла ему право выбора, то только как исключение в виду его «учености». Поэтому между Замбой и матерью разговор на тему о сватовстве был короток и без подробностей. Мать хотела узнать главное, а дальнейшее она знала сама.

Когда Замба приехал домой на Пасхальные каникулы, он оказался уже женихом дочери Саладжи. Мать уже делала приготовления к свадьбе. Спеша женить сына, она ускорила процедуру и за несколько месяцев выполнила все формальности, которые обычно растягиваются на год, на два.

Всего несколько месяцев побыло хозяйство без хозяина на женских руках, а были уже заметные упущения и прорехи. Этой весной овцы дали больше отхода в ягнятах. Не было строгого догляда. Сена едва хватило. Впервые на памяти Замбы, быков во время весенней пахоты кормили половой, а не сеном. Сад не был во время подрезан. Огород не весь засеян. С детства привыкший чувствовать хозяйственный пульс, Замба увидел, что без него хозяйство быстро придет в упадок, а оно было ему мило и дорого. Приходилось выбирать между университетом и хозяйством. Слишком много любви и потного труда вложил в это хозяйство его отец, слишком была горда и счастлива им его мать, черезчур крепкими нитями был связан с ним и Замба, чтобы менять его на что-то другое. И Замба решил в университет не поступать. Еще

один резкий изгиб сделала жизнь молодого Джалганова.

Старательно занялся Замба приведением хозяйства в порядок и не сумел за эти три недели повидать невесту. Да и случая удобного не было. У калмыков жених и невеста не могут запросто встречаться. Только во время трех годичных праздников, когда жених обязан быть с визитом в доме невесты, им разрешается на вечеринке видаться. Возможны и случайные встречи, но для этого нужно бегать на хуторские вечеринки молодежи, но Замба на них никогда не бывал.

Дело так сложилось, что до самой свадьбы, которая была назначена на начало июня, когда жених должен был кончить школу, Замба не мог

увидеться с невестой. Но это особенно его не беспокоило. Свидание не обязательно. Мать, сестра и вообще родственники невестой его были довольны; хвалили ее воспитанность и строгость в добрых, старинных традициях, говорили о ее скромности и трудолюбии. Правда, никто не говорил о ее красоте, но Замба сам знал, что Зегмяш не может быть некрасивой девицей.

Испокон веков судьбами парней и девиц распоряжаются у калмыков родители. Хоть и был Замба интеллигентным и русифицированным молодым человеком, но крепкие обычаи среды довели и над ним...

С. Балыков.

1938-III.

(Окончание следует).

Полк. М. Д. ИЛЬИН (Париж).

Потеря независимости Донскими казаками и следствия этой потери

(Окончание*).

XIX-е столетие открылось величайшей исторической эпохой Наполеона, сначала генерала Бонапарта, потом первого консула, а затем императора французской империи. С 1801 и по 1825 год в России царствовал Александр I. Во все время этого царствования Дон держал под ружьем ежегодно 60 полков, в войну же 1812 г. он выставил 86 полков.

Александр I начал борьбу с Наполеоном в союзе с европейскими монархами в 1805 г., и борьба эта с перерывами длилась вплоть до окончательного падения Наполеона в 1815 г. За это время русская армия понесла от Наполеона два страшных поражения — под Аустерлицем, в 1805 году, и под Фридландом, в 1807 г. Решительная борьба между Наполеоном и Александром произошла в 1812 г., когда Наполеон с огромными средствами вторгся в пределы России и занял Москву.

Донские казаки, которых в русской армии было сначала 26, а потом 52 полка, оказали на исход этой борьбы абсолютно решающее значение. Казачий корпус Донского Атамана ген. Платова, под его личной командой спас в самом начале войны от верного разгрома вторую русскую армию генерала князя Багратиона; спас от разгрома всю русскую армию в бою под Бородино и полностью разрушил армию Наполеона при ее отходе из Москвы, отняв у французов из 605 орудий 548, а из 150 тыс. отступавших войск взял в плен и перебил в боях до 100 тыс. чел.

За эту свою боевую работу донские казаки и получили от Александра I, под конец его царствования, приказ завести конно-плодовые табуны, а жеребцов для этих табунов купить за счет станции.

В наполеоновскую эпоху, т. е. с 1801 и по 1815 г. донские казаки потеряли 160 тысяч человек, почему в 1818 г. на 150 тысяч казаков приходилось 300 тысяч казачек. Так расплатился Дон за то, что в 1815 г. русский царь на «венском конгрессе» оказался самым влиятельным из всех европейских монархов, а Россия оказалась на вершине своего исторического бытия, своей исторической мощи и славы!

Так в начале XIX в. закончился поворот исторической судьбы России. Но мы можем смело сказать, что без удивительного активного участия всех сынов Тихого Дона*), за исключением русских донских крестьян, этот поворот был бы совершенно другим.

В начале XIX в. Россия начала войну за покорение Кавказа. В этой войне приняли главное участие черноморские, кубанские и терские казаки, а вместе с ними и донские. Война эта длилась больше 60-ти лет, и казаки всех войск понесли в ней неисчислимые потери.

Дон за шестьдесят лет послал на Кавказ 200 тысяч человек, из коих домой вернулись только

*) В 1812 г. в донских казачьих полках было 1400 человек калмыков — комплект почти трех полков того времени.

*) См. «Казачий Голос» № 10-11.